



ДИАНА ВРИЛАНД

Предисловие АЛЕНА ДОЛЕЦКОЙ

МИО

Диана Вриланд

D. V.

Серия «Иконы моды»

Серия «МИФ Культура»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66684522

Диана Вриланд. D. V.: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2022

ISBN 9785001699972

Аннотация

Эта книга – завораживающая автобиография одной из величайших икон моды XX века Дианы Вриланд, модного редактора Harper's Bazaar и главного редактора Vogue, чье несравненное чувство стиля и талант определяли мир высокой моды на протяжении пятидесяти лет. Яркая, самобытная, харизматичная Диана Вриланд доказывает, что она блестящий рассказчик, увлекая нас в свою ослепительную и бурную жизнь и представляя нашему воображению роскошь и яркость эпохи, которая породила королеву Англии Марию Текскую, Буффало Билла, Сергея Дягилева, Кларка Гейбла и Коко Шанель.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Информация от издательства	5
Предисловие	7
Глава первая	10
Глава вторая	22
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Диана Вриланд

D. V.



Информация от издательства

Научный редактор Наиля Аглицкая

Благодарим Юлию Чеканову, чье огромное уважение к Диане Вриланд было так важно и ценно в этом проекте

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Diana Vreeland, 1984

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

ОТЗЫВЫ

Почти пятидесятилетняя карьера Дианы Вриланд не только перевернула индустрию, но и вдохновила тысячи людей навсегда связать свою жизнь с модой. Многие из них отдали бы состояние за то, чтобы поужинать с этой великой женщиной. Вечер с D. V. почти приблизит вас

к мечте. Закончив книгу, вы разберете ее на цитаты.

Александр Перепелкин, The Blueprint

Когда перечитываю эту прекрасную книгу, вспоминаю, как после первого ее прочтения решила во что бы то ни стало работать в моде, и влюбляюсь в свою работу заново. А еще заряжаюсь энергией, жизнелюбием и бескомпромиссностью Дианы. Она всегда шла своим путем и не боялась делать амбициозные и необычные съемки, обложки и выставки, благодаря чему по сей день остается самым легендарным глянцевым редактором всех времен. Эта книга создает ощущение, что Диана, гремя десятком браслетов на тонком запястье, делится сплетнями и байками из жизни лично с вами в своей роскошной красной гостиной, и я очень рада, что теперь подобные встречи с ней, пусть и через бумажные страницы, доступны на русском языке.

Катя Федорова, Good Morning, Karl!

Предисловие

Диана Вриланд, автор этой книги, – легендарный главный редактор американского Vogue, пожалуй, самая яркая звезда на аллее славы глянцевого журналистики, женщина до мозга костей, дама, обладающая феноменальной страстностью и дисциплиной, стальной волей и безупречным вкусом. Мощный игрок на просторах индустрии моды, она сначала подняла на новый уровень Vogue, сделав его самым влиятельным глянцевым журналом, а затем – уникальный Институт костюма в Метрополитен-музее. И музей, и журнал успешно живут и процветают до сих пор. И да, как человек она, несомненно, была больше, чем все ее мегауспешные проекты.

Каждому из вас, кто впервые будет читать эту книгу, я завидую. Разумеется, белоснежной завистью. Диана Вриланд затянет вас в омут, из которого невозможно – да и не захочется – выбраться. Прочитав последнюю фразу ее воспоминаний, вы поймете: через пару дней вас снова поманит этот омут.

Но.

Эта книга – очень дорогой десерт, который следует отвеживать маленькой кофейной ложечкой. Иначе вы просто себя обворуете. Почему? Как-то раз президент Франции Жак Ширак, разгуливая по квартире режиссера и художника Сергея Параджанова, знаменитого эстета, сказал: «Дайте мне пе-

редохнуть. Я устал от вкуса». Вы не устанете, вы просто не переварите.

Вы влюбитесь во всех друзей Дианы Вриланд – от Джека Николсона до Коко Шанель, от Сергея Дягилева до Иды Рубинштейн, от герцога Виндзорского и Уоллис Симпсон до «дам полусвета». Куда вас только не занесет: Япония, Тунис, Америка и даже Россия, в английские и шотландские дворцы и во французские бордели. И уверяю вас, вам захочется там остаться. Везде.

Вы начнете различать цвета, о которых прежде не имели понятия. Вы устанете смеяться и смахивать со своих рук мурашки, вы будете бросаться к блокноту или телефону, чтобы записать цитаты. Как вам: «Бикини – величайшее изобретение со времен атомной бомбы», или «Мода – самый опьяняющий способ освободиться от мирской банальности», или «Меня всегда завораживали абсурдность, роскошь и снобизм мира, который демонстрировали модные журналы»? А вот еще: «Сады Англии – что нос на лице человека», «Селяне и гении – единственные люди, достойные внимания», «Молодой Нижинский напоминал домашнего грифона», «Цвет его кожи в точности повторял цвет лепестков гардении»... – умоляю, остановите меня.

Да, эта книга впервые вышла в Америке давно, почти сорок лет назад, но Вриланд предвидела многое из того, что сейчас вызывает жаркие споры и становится самой актуальной повесткой дискуссий: новая этика, новая политкоррект-

ность, затухание Европы, роль афроамериканского населения.

Ко всему прочему, классический романтик Диана Вриланд неизменно покоряет читателя своей самоиронией. Это качество дорогого стоит.

Девичья фамилия Дианы – Диэл, что на кельтском означает «бросаю вызов». И совершенно очевидно, что она делала это каждую минуту. Наверное, не всем окружающим было просто соотносить себя с такой высокой планкой профессионализма. Но, убеждена, эти сложности обернулись для них незабываемой школой жизни и стали причиной бесконечной благодарности небесам за возможность соприкоснуться с дамой по имени Диана Вриланд.

Алена Долецкая

Глава первая

Я презираю ностальгию.

Однажды вечером на ужине в Санто-Доминго у Оскара де ла Рента литературный агент Свифти Лазар повернулся ко мне и сказал:

– Твоя проблема, куколка, – именно так он всегда меня называл, – в том, что весь твой мир – сплошная ностальгия.

– Послушай, Свифти, – ответила я, – каждый выживает как может, так что заткнись!

И двинула ему по носу. Он немало опешил. Взял фарфоровую тарелку и сунул ее под смокинг, чтобы защитить сердце. Я ударила по тарелке.

Ностальгия – только подумайте! Да я не верю ни во что, кроме пенициллина.

Хотя я скажу вам, во что *действительно* верю. В согревающие пластыри.

Позвольте описать один весенний вечер 1978 года.

У меня был поздний ужин в ресторане San Lorenzo в Лондоне с блестящим фотографом Дэвидом Бейли и Джеком Николсоном. Вам не кажется, что Джек – лучший актер из всех? У него весьма убедительное лицо и такие забавные раздувающиеся ноздри, согласны? И кое-что еще, чем обладают все великие актеры, – шикарная мимика. Вам доводилось видеть его пародию на Ахмета Эртегюна, турка, основавшего

го Atlantic Records? Джек улавливает это... *нечто* – невероятную энергию танца дервишей, которая бурлит в Ахмете. Я считаю, что понять другого можно только через пародию на него. Чаще всего напрямую от самого человека вы этого понимания не получите.

Но я хочу рассказать о вечере.

Меня беспокоил мой дорогой друг Джек Николсон, который не мог даже присесть, потому что его спина находилась в ужасающем состоянии.

Спина, чтобы вы знали, – наиважнейшая часть нашего тела. Я никогда не чувствую себя уставшей под конец дня – никогда. Это благодаря тому, как я сижу. В Метрополитен-музее у меня тот же кухонный стул, который стоял в редакции Vogue. Мне его отравили, потому что никто не стал бы пользоваться столь безобразной вещью в своем шикарном кабинете. Однако он поддерживает мою спину у самого основания, и это важно. Еще у меня есть маленькая резиновая подушка, которую я кладу под поясницу, и она помогает моей спине тянуться строго вверх, вверх, вверх. Всякий, кто приходит в мой кабинет в Метрополитен-музее, узнает в подушке медицинскую принадлежность – что ж, *так и есть*, она продается в аптеке. Но мне она дает возможность держаться прямо и высоко – и это волшебство.

Вернемся к тому вечеру. Спина Джека была так плоха, что в ресторане он не мог даже сесть. Он ходил кругами, кроша в руках сигареты... и страдая. Тогда я сказала:

– Твоя спина меня достала! Ты пьешь все существующие таблетки, но не делаешь так, как я говорю. Сегодня я тебя вылечу. Я возьму твоего водителя?

Конечно, старый Бейли, обосновавшийся там подобно опухоли, заметил в своей *dégagé*¹ манере:

– Ты ничего не найдешь в это время суток, Вриланд. Ты сошла с ума. Тебе невдомек, что это за город.

Зря я не заключила с ним пари.

– Я знаю этот город лучше тебя. И представляю, куда нужно ехать – в Boots the Chemist на площади Пикадилли. Они открыты круглые сутки. Покупай что хочешь. Попроси – и забирай.

Я в одиночестве вышла на улицу, нашла машину Джека и сказала Джорджу, его водителю:

– Я сыта по горло мистером Николсоном! Он не понимает: мне прекрасно известно, что такое больная спина. Ему нужно снять спазм. Согревающим пластырем. Я хочу поехать в Boots the Chemist на площади Пикадилли. Аптека же еще существует?

– Конечно существует, мадам.

И мы отправились туда в самом большом «мерседесе», какой вы когда-либо видели. Но я начала думать, что старый Бейли в чем-то может оказаться прав. Вдруг Boots *открыта* только для экстренных случаев. Я сказала водителю:

¹ Непринужденной (*фр.*). Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.

– Джордж, я буду думать вслух... Не обращай внимания на мои слова. Я поговорю сама с собой. Я постоянно так делаю. Это мой способ формулировать мысли. Кажется, когда мы приедем, мне стоит *притвориться* больной... Это произведет на них должное впечатление. Так что сейчас я очень больна... Я практически не чувствую ног! Как тебе такое, Джордж?

– Как скажете, мадам.

Мы приехали. Разумеется, Джорджу едва удалось вытащить меня из машины. Мы вошли внутрь. Джордж поддерживал меня, а я, само собой, цеплялась за стеклянные витрины, сиявшие чистотой и красиво подсвеченные, – они были такими же, когда я покинула Лондон больше сорока лет назад.

В те годы люди являлись в Boots the Chemist в полночь за афродизиаками – «Шпанской мушкой», «Янтарной лунной», – чрезвычайно популярными тогда. Вы могли что-то слышать о «Шпанской мушке». И возможно, ничего не слышали о «Янтарной луне», хотя на нее был *невероятный* спрос. Однако тем вечером меня не интересовали ни «мушка», ни «луна». Я попросила только согревающий пластырь. Аптекарь сунул руку под прилавок и достал одну штуку.

– Я возьму... *два*, – сказала я. – Как видите, я в ужасной форме.

Я забрала пластыри и вернулась в огромный «мерседес». Мы снова приехали в ресторан и вместе с Джорджем по-

дошли к столику.

– А теперь послушай, Бейли, – объявила я. – Ты, может, и родился под звон колоколов Сент-Мэри-ле-Боу², но и я тут не новичок. Я отлично знаю город. Мне в этом месте продали бы все, о чем бы я ни попросила.

Потом я обратилась к Джорджу, с которым очень сблизилась за это время:

– Проводи мистера Николсона в мужскую уборную. Возьми над ним шефство, а я расскажу, что конкретно ты должен сделать с пластырями.

– Нет уж, к черту! – возмутился Джек. – Ты спустишься со мной и приклеишь пластыри собственными руками.

Хорошо ли вы знаете ресторан San Lorenzo? При входе с улицы в нем расположены женская и мужская уборные. Думаете, нас это интересовало? Нет. Прямо в холле. Он спустил свои брюки...

– Ты в отличной форме, – заметила я. – В весьма притягательной, должна признать. Такие округлые и розовые.

Я принялась снимать с пластыря бумажную защиту. Большие розовые ягодицы ждали меня, но бумажка никак не поддавалась.

– Тебе стоит натянуть брюки, – посоветовала я, – потому что кто-нибудь может войти за эти несколько минут и счесть происходящее довольно странным.

² Сент-Мэри-ле-Боу – одна из самых известных церквей Лондона, построенная в 1671–1680 годах.

Он помотал головой. Казалось, его это нимало не беспокоило. Наконец я справилась с пластырем и сказала:

– Джек, сейчас я его приклею. Когда я сделаю это, тебе нужно будет наклониться и ерзать, ерзать, ерзать, чтобы он не пристал слишком плотно, – я показала как. – Иначе ты больше не сможешь пошевелиться.

К тому времени на другой стороне улицы собралась небольшая группа зрителей, наблюдавших за нами через дверь. Я аккуратно приклеила пластырь. Его тепло заставило Джека выпрямиться. Он надел брюки. Теперь он хотя бы мог сесть. Мы поднялись по лестнице в зал. Поели. Не спрашивайте, в котором часу закончился ужин: было поздно. Эти двое собирались на какую-то вечеринку. Так что мы сели в «мерседес», и вскоре я очутилась в северной части Риджентс-парка.

– А сейчас, – сказала я, – вы должны отвезти меня домой.

– Да ладно, Вриланд, – отмахнулся Бейли. Он всегда называл меня Вриланд, а я всегда звала его Бейли. – Ты тусишь и в более позднее время.

– Никаких вечеринок, – ответила я. – Не хочу видеть никого, кроме вас. Но поскольку мы уже здесь... давайте съездим на другой конец Риджентс-парка, к моему прежнему дому на Ганновер-Террас, который я не видела с тех пор, как оставила Англию в 1937-м.

Можете себе представить, как их воодушевила эта идея. Все дома на Ганновер-Террас похожи друг на друга. Мой, ра-

зумеется, отличался – стоило только войти внутрь. В конце улицы располагался Ганновер-Лодж – дом, принадлежавший леди Рибблсдейл, где жила моя любимая подруга Элис Астор, она же Алиса Облонская, Элис фон Гофмансталь, Элис Бувери и так далее и так далее... Как ни крути, для меня она Элис Астор – дочь Джона Джейкоба Астора, который ушел ко дну вместе с «Титаником». Великолепная, неземная женщина. Слава богу, ее не было в здании, когда на него упала бомба, – строение полностью разрушилось.

Я вышла из машины и направилась к нашему дому. Подошла к двери. Раньше дом принадлежал сэру Эдмунду Госсу – заметному литературному деятелю начала этого века и конца прошлого – ну, знаете, *Yellow Book*³ и все в этом духе. В половине мемуаров того времени упоминается этот адрес: Ганновер-Террас, 17. Мы купили дом у вдовы писателя в 1929 году. Фасад был *rien*⁴, но сам дом – божественный. За садом находилась кладовая...

Обожаю кладовые. Я могла бы взять свою кровать, поставить ее в кладовой и спать среди сыров, дичи, мяса, вдыхая ароматы сливочного масла и земли. Здесь, в Нью-Йорке, да и вообще повсюду, я говорю людям: «Что с вами не так? Везде, где есть сад, должна быть кладовая. Все, что вам нужно, –

³ *Yellow Book* – английский литературный журнал, издававшийся в 1894–1897 годах. Эдмунд Госс публиковался в нем и дружил с двумя его главными редакторами.

⁴ Никакой (*фр.*).

немного хорошей земли: выкопайте яму и сделайте кладовую!» О, наша кладовая была так притягательна...

В самом конце сада, на месте бывших конюшен, располагался гараж, где стоял наш великолепный «бугатти». У нас был водитель, такой молодой, что стоило двум моим сыновьям подхватить ветрянку, свинку или корь, как он тоже заболел. Всю войну он писал нам письма. Через какое-то время после нашего переезда в Нью-Йорк он поступил на работу в Букингемский дворец и стал вторым водителем принцессы Елизаветы. И однажды сообщил мне: «Теперь, мадам, я вожу ее величество королеву». Разве это не изумительная жизнь?

Над гаражом размещались комнаты прислуги, где я установила обогреватели, умывальные чаши и организовала хорошую ванную – совершенно без надобности, как не меньше трех раз в неделю говорили мне слуги. Они до смерти боялись обогревателей – опасались, что те взорвутся. Никто из них так и не рискнул открыть воду ни в одной из спален. Удивительный народ. Они испытывали ужас перед водопроводом. Зато от меня не уходили. После моего переезда в Америку две горничные также поступили на службу в Букингемский дворец, потому что экономка знала кого-то при королевском дворе. Ведение домашнего хозяйства было важной частью английского быта в то время. Слуги жили своей жизнью. Но работали мы все вместе. Вот почему, покинув Англию, я смогла сотрудничать с Harper's Bazaar: я умела ра-

ботать, потому что знала, как управлять домом. Боже мой... Единственным моим шансом научиться чему-либо в жизни оказались те двенадцать лет в Англии!

Но я хочу вернуться к тому вечеру. Я подошла к двери... Фигурно подстриженные кусты пропали. Само собой, у нас был сад с зелеными скульптурами. Наверху лестницы, по обе стороны от двери, я разместила кусты в форме медведей. Сады, как вы знаете, такая же неотъемлемая часть Англии, как нос – неотъемлемая часть человеческого лица. В нашем доме по адресу Ганновер-Террас, 17 возле высоких французских окон в гостиной росли апельсиновые деревья – я ездила за ними в Ковент-Гарден ни свет ни заря, – а на полу стояли горшки с цинерарией всех мыслимых цветов. Стены были выкрашены в изумительный бледный оттенок охры, который я скопировала с лица китайца, изображенного на коромандельской ширме⁵. Присутствовал там и ситец цвета бристольский голубой – думаю, вы представляете себе этот цвет, – декорированный бантами и огромными красными розами. Окна доходили до самого пола, а за ними раскинулся Риджентс-парк с его чудесными цветами, деревьями, вечнозелеными самшитами. И кряканьем уток поутру. Когда мы ложились в постель, что неизменно происходило весьма поздно, в парке кормили львов – они рычали, поедая свой

⁵ Коромандельские ширмы – лаковые ширмы ручной работы, выполненные китайскими мастерами в эпоху Мин; славятся своим прорезным декором, перламутром и черным лаком. Являлись предметом восхищения и коллекционирования Коко Шанель.

ужин. О, как это волшебно – слышать львиный рык посреди города!

Вот где мы жили. Мой муж работал в банке Guaranty Trust. Каждый день он выходил на работу в пятнадцать минут девятого – точно вовремя, – одетый с иголки.

Рид тщательно следил за своей одеждой. Он покупал множество вещей: шелковые сорочки, неброские офисные сорочки, целые кипы белых крахмаленных сорочек – в немыслимых количествах и безупречного качества. Еще, еще и еще! А шляпы! Они *так* хороши. Большую их часть я раздарила. Нескольким приятелям, которым эти шляпы нравились. Осталось пять или шесть штук – я передам их в Музей⁶. Все до единой тщательно скроенные, они сидели идеально. Красивейший фетр – совершенно ни в чем не уступающий атласу. Шляпный магазин Lock's на улице Сент-Джеймс. Рай для мужчин, настоящий *рай*. Помню последнего человека, приподнявшего шляпу при встрече со мной. Это было так элегантно и прелестно. Я шла по Пятой авеню, когда Ронни Три⁷ шагнул на тротуар. Он был в котелке. Если вы помните, у него жесткие волосы, густо растущие вокруг ушей. Вы представляете, как роскошно это смотрится. Со шляпой – великолепно. Тут требуется особая голова – с очень жесткими волосами. Он сделал это: приподнял шля-

⁶ Здесь и далее под Музеем подразумевается Метрополитен-музей.

⁷ Рональд Три (1897–1976) – скандальный журналист, отец английской модели Пенелопы Три. *Прим. науч. ред.*

пу – и его жест выглядел очаровательно. Красиво. Незабываемо.

Но потом все закончилось, не так ли? И те здоровые розовощекие английские лица – обветренные и улыбающиеся – тоже исчезли, согласитесь. Тот яркий цвет. Его им дарил сильный влажный ветер. Полагаю, современные парни не охотятся так много. Но в начале шестидесятых шляпы умерли в одночасье. Я помню, как однажды утром, очень рано, Рид зашел ко мне попрощаться и на нем не было шляпы.

– На тебе нет шляпы, – сказала я. Он всегда приходил для прощания полностью одетый.

Рид ответил:

– Я больше не ношу шляпы.

Вот и все.

Вернемся к Ганновер-Террас. Внутри было чудесно – но весьма обыденно, понимаете? Я хочу сказать, мы не создавали какой-то необычной атмосферы с помощью... освещения. Апельсиновые деревья у окна, свет с улицы... Очень английский свет.

Тем вечером я стояла у парадной двери и смотрела. Крыльцо тщательно ухоженное – это чисто английская особенность, ему придают особое значение. А вот дверь выкрашена в чудовищный цвет. Когда мы жили здесь, она была из выбеленной древесины – как следует зачищенной и отполированной. Все внутренние двери – оранжево-красные, но красная парадная дверь... В мое время через такую в дом не

входили. Я стояла перед этой дверью. В боковое окно поглядеть тоже было не на что. Дом стал безликим. Однако на двери висел мой старый дверной молоток в виде трогательной маленькой руки. Он здесь с 1930 года, пережил бомбежку и всю эту кровавую историю. Дверной молоток! Нет, это нечто большее. Я купила его в Сен-Мало⁸, будучи еще совсем молодой, – и мы чуть не опоздали на корабль, отправлявшийся туда, куда мы планировали попасть. Я сказала Риду:

– Какая ручка – она мне так нравится!

Мы постучали в дверь, к нам вышла женщина, и через двадцать минут – французы невероятно щедры, когда им предлагают деньги, – ушли с дверным молотком. Любопытный молоточек в викторианском стиле – не *grand' chose*⁹, но, боже мой, он безумно хорош!

Я повернулась, спустилась по ступеням, села в машину и сказала Дэвиду Бейли и Джеку Николсону:

– А теперь мы отправляемся на вечеринку!

⁸ Сен-Мало – город и порт на северо-западе Франции.

⁹ Шедевр (*фр.*).

Глава вторая

– Vreeland – через V, – поясняю я всякий раз, когда приходится называть свое имя по телефону. – V как victory! V как violent!

Помню, как одна телефонистка сказала мне во времена, когда я еще жила в Англии:

– Нет, мадам, V как violet¹⁰.

Мне понравилось, как она меня осадила. Вернула меня туда, где было мое место.

– Да, – ответила я. – Вы уловили *суть*.

Мне нравился лиловый оттенок.

У моей сестры Александры лиловые глаза. Она на четыре с половиной года моложе меня, поэтому была еще малышкой, когда в 1914 году вся семья переехала из Парижа в Нью-Йорк. Помню, ее называли Самым Красивым Ребенком в Центральном парке. В те времена мир казался очень маленьким и наполнился всевозможными мини-титулами наподобие этого. Она сидела в своей коляске – как вы понимаете, ужасно разодетая, – и люди останавливались просто посмотреть на нее. Заметив, что прохожие разглядывают ее, я подбегала к коляске, потому что очень гордилась сестрой.

– О, что за прелестное дитя! – восклицали они.

¹⁰ С английского victory – «победа», violent – «неистовый», violet – «лиловый, фиолетовый».

– Да, – неизменно отвечала я, – и у нее *лиловые глаза*...

Однажды между мной и моей матерью случилась отвратительная сцена. Она сказала мне:

– Плохо, что у тебя такая красивая сестра, а ты столь уродлива и безнадежно завидуешь ей. В этом, конечно, и кроется причина, почему ты не можешь ладить с ней.

Меня ее слова не задели *так уж* сильно. Я просто вышла из комнаты. Я никогда не трудилась объяснять, что люблю сестру, что горжусь ею больше всего на свете, что совершенно ее *обожаю*... Родители, как вам известно, могут быть *невыносимыми*.

Мы с матерью не испытывали друг к другу нежных чувств. Как и многие матери и дочери. Она была чрезвычайно привлекательной. Я скажу вам, кто мы для американцев: Хоффман и Кей из Балтимора. Фрэнсис Скотт Кей – мой двоюродный прадед. Мама – урожденная Эмили Кей Хоффман. Ее отца звали Джорджем Хоффманом. Я ничего не знаю о Балтиморе. Ничего не знаю о своих корнях. Но знаю одну историю: моя прабабушка и ее сестра судились из-за обеденного стола и так допекли судью – дело происходило в Балтиморе, – что он попросил плотника распилить стол надвое и сказал: «Женщины, отправляйтесь восвояси и держитесь отсюда подальше, каждая со своим куском!»

Мои родители познакомились в Париже. Семья матери, несмотря на американское происхождение, постоянно находилась в Париже. Моя девичья фамилия – Dalziel, которая

произносится как Диэл. Однажды ее даже упомянул журнал Reader's Digest как одну из трех наиболее труднопроизносимых фамилий в мире. Еще одна – Cholmondeley (произносится как Чамли). Третью не помню, но уверена, что она английская. Невероятно трудный язык. Dalziel восходит к 834 году и Кеннету Первому, королю Шотландии. На древнем гэльском слово означает «бросаю вызов». Это обо мне.

Мой отец, Фредерик Диэл, был англичанином абсолютно европейского склада. С Нью-Йорком он имел не больше общего, чем я – с Персией или Сибирью. Моя мать была жгучей брюнеткой. Как и я когда-то. Но, конечно, она-то слыла красавицей. Я нисколько на нее не походила. Она считалась одной из представительниц La Belle Epoque¹¹ в Париже, тут не может быть никаких сомнений.

Мне невероятно повезло – не считайте меня неблагодарной, – родители очень любили нас. Породистые, богемные, обожающие удовольствия привлекательные парижане, они жили в переходный период между эдвардианской эпохой и современным миром. Деньги, казалось, не имели для них никакого значения, и родители блестяще справлялись с тем, чтобы окружить нас – не ради нас самих, а потому что сами вели такую жизнь – удивительными людьми и событиями. В нашем доме бывали потрясающие личности. Ирен и Вернон

¹¹ Прекрасная эпоха (*фр.*) – условное обозначение периода европейской истории между семидесятью годами XIX века и 1914 годом.

Кастрл¹². Нижинский¹³ приходил вместе с Дягилевым. Не скажу, что он произвел на меня впечатление, но я видела его – и получила о нем представление. Зато Дягилев был выразителен. С прядью седых волос среди черной гривы, он надевал шляпу совершенно изумительным образом. Я помню его весьма отчетливо. А молодой Нижинский напоминал домашнего грифона. Он обычно молчал. Но, разумеется, мы понимали, что видим самого выдающегося танцора в мире. Мы просто знали это – детей не обманешь.

Между тем няня у меня была чудовищная. Конечно, няни часто бывают недовольными. Они, возможно, и любят детей, но это не *их* дети, и наступает время, когда они уходят навсегда. Я не выносила свою няню. Она была *худшей* из всех.

Но должна признать: есть один ужасно привлекательный факт, связанный с ней, которого мне не забыть. Ее звали Пинк. Я всегда считала это имя невероятно стильным.

В Париже Пинк ежедневно – кроме среды, своего выходного, – выходила с нами из дома, и мы шли по Авеню дю Буа, ныне Авеню Фош, к Булонскому лесу, где могли поиграть. По средам же моя бабушка поручала нас своей помощнице, мисс Нефф, отвратительной, всеми брошенной, сломленной, старой – *старой!* – приятельнице-американке, которая все-

¹² Вернон и Ирен Кастрл – муж и жена, исполнители бальных танцев, педагоги, появившиеся на Бродвее и в немом кино в начале XX века. Сыграли значимую роль в возрождении популярности современных танцев.

¹³ Вацлав Нижинский (1889–1950) – русский танцовщик и хореограф, один из ведущих участников «Русского балета» Дягилева.

гда носила одно и то же древнее платье из черного кружева. Мисс Нефф водила нас в Лувр смотреть «Мону Лизу». Вечное черное кружевное платье, Лувр, «Мона Лиза»...

Однажды настал день, когда мы пришли к «Моне Лизе» в сто десятый раз. Мы должны были встать тут, затем там, после здесь, здесь и здесь, потому что, как мисс Нефф неизменно объясняла нам, «она всегда *смотрит* на тебя...».

Мы с сестрой послушно исполняли то, что нам говорили, поэтому *знали* «Мону Лизу» прилично. В ту среду мы рассмотрели ее со стольких ракурсов, что охраннику пришлось подойти к нам и попросить покинуть музей, поскольку мы оказались последними посетителями Лувра. Я помню, как звучали наши глухие маленькие шаги, пока мы проходили по опустевшим мраморным залам, стремясь наружу. На следующее утро во всех газетах сообщили, что минувшей ночью «Мону Лизу» украли.

Кажется, бедную старушку нашли в сырой ванной нищего художника вырезанную из рамы, свернутую в рулон и засунутую в мусорное ведро. Ее не разворачивали два года. Не забывайте, что это была самая знаменитая картина в мире, и не забывайте также, сколь мал был этот мир тогда. Ее пропажа стала *подлинной трагедией*. Подобно похищению ребенка, которого вы любите больше всего на свете.

Возвращение картины наделало много шума, но еще *больше* шума произвела ее кража. Мы с сестрой оказались последними, кто видел ее до исчезновения. За один день мы

превратились в самых знаменитых детей, игравших в Булонском лесу. В следующую среду, когда мисс Нефф планировала вести нас в Лувр смотреть «Мону Лизу», той там уже не было. Полагаете, в том возрасте мы сильно переживали? Нет, мы испытали колоссальное облегчение. Вместо этого нас отвели в лес, что понравилось мне *гораздо* больше.

Вообще-то, все мои мечты связаны с Булонским лесом. Я воспитывалась в мире «великих красавиц», в мире, где кокетки, женщины полусвета, считались важными персонами в Париже. Они были замечательными хозяйками, замечательными домоправительницами, замечательными женщинами в роскошных платьях. Они жили в собственном полумире, и этот полумир имел *огромное* значение. А Булонский лес – место, где они прогуливались ранним утром. В этом и состоял секрет красоты представительниц полусвета. Они дышали утренним воздухом. Дамы приходили туда в половине девятого утра. Затем возвращались домой отдохнуть, сделать массаж и подготовить меню для вечернего приема своих мужчин-покровителей. В те времена они ложились в постель значительно раньше. Полуночные трапезы, к которым мы привыкли в последние несколько лет, были для них немыслимы. Так что эти женщины отличались необыкновенной красотой.

Разумеется, я всегда сходила с ума по одежде. У рожденного в Париже нет шанса забыть об одежде хоть *на минуту*. А какие наряды я видела в Булонском лесу! Теперь я пони-

маю, что наблюдала там зарождение нашего века. Все было внове.

Конечно, ощущалось сильное влияние Дягилева. Колорит, экстравагантность, *характер*, волнение, страсть, стук, звук, *треск*... Этот мужчина расщепил атом! Его влияние на Париж оказалось всеобъемлющим. Предыдущая эдвардианская эпоха обладала твердостью стали. Ей предстояло длиться, пока не грянет нечто. Что ж, это нечто грянуло и смело на своем пути *все*, включая моду, потому что мода – часть общества и часть жизни.

Цвета! Прежде красный не был красным, а лиловый – лиловым. Они всегда оставались слегка... сероватыми. Но одежда женщин в Булонском лесу поражала цветами, острыми как нож: красный красный, *неистовый лиловый*, оранжевый – когда я говорю «оранжевый», я имею в виду красный оранжевый, а не желтый оранжевый, – нефритовый зеленый, кобальтовый синий. И *ткани* – шелк, атлас, парча, расшитые мелким жемчугом, подернутые серебром и золотом, отороченные мехом и кружевом, – воплощение великолепия Востока. Никогда больше мир не видел такой роскоши. Эти женщины *выглядели* богато.

Их силуэты смотрелись совершенно по-новому. Почти в одночасье скрученные, изогнутые, затянутые в корсеты фигуры викторианских леди исчезли. Пуаре¹⁴ стал дизайнером,

¹⁴ Поль Пуаре (1879–1944) – парижский модельер, оказавший огромное влияние на моду в первой четверти XX века.

ответственным за перемены в моде – за уход от Прекрасной эпохи и ее красивых эдвардианских женщин с огромными глазами и тугими корсетами. У дам тех времен были талии и сиськи. Полагаю, у них также имелся живот и все остальное. Но Пуаре ничего не оставил. Корсеты пропали. Вместо изгибов появились прямые линии. Казалось, каждый устремлялся к земле. Естественность женского тела – вот что было в новинку. Но часто юбки оказывались так узки, что женщины едва могли шагать. Я помню, как они пытались удержать равновесие, неся на голове огромную шляпу, украшенную райскими птицами, кокардами или перьями, и семена через Булонский лес микроскопическими шажками...

Их *туфли* были так красивы! Дети, само собой, имеют особое представление о том, что связано с ногами. Они к ним ближе. Я помню обувные пряжки из искусственных камней, какие носили в восемнадцатом веке, – огранные намного изящнее алмазов и выглядящие очень дорого. Люблю, когда ноги украшены. И по сей день именно так я отношусь к обуви.

А *лошади*! Автомобили были в новинку, но те женщины держали лошадей, которых всегда запрягали парой либо цугом. В моих детских глазах красота лошадей и красота женщин, которым они принадлежали, были неразделимы.

Представьте себе Елисейские Поля – они все те же... Хотя теперь там меньше деревьев и растут они уже не так буйно, как прежде. Улица все еще остается усладой для глаз – пря-

мая и протяженная... Я помню скачки на Елисейских Полях, призванные определить, кто из соревнующихся – пара серых или пара гнедых – доберется до последнего холма рысью без остановки. Это было целое событие! Момент торжества этих женщин – а также мужчин, их содержавших.

Кто, как вы думаете, знал все о тех необыкновенных женщинах? Известен ли вам ресторан Maxim's? Заходя в него с улицы, вы, само собой, встречаете швейцара. Дальше – старшего лакея. По крайней мере, так было раньше. Лакей выполнял обязанности посыльного. Это его вы просили сбегать на улицу и купить три экземпляра газеты Paris-Soir или что угодно другое – в те времена этим занимались посыльные, – и нужная вещь оказывалась у вас на столе.

Спустя несколько лет после Второй мировой войны один видный посыльный из Maxim's, почтенного возраста мужчина, предложил журналу Harper's Bazaar свою cahier – маленькую записную книжку с фактами о представительницах полусвета Прекрасной эпохи. Не спрашивайте, как такое везение могло свалиться на нас. Но в те дни имя Harper's Bazaar гремело в Париже. И главный редактор журнала, Кармел Сноу, тоже была в Париже знаменитостью. Каждый знал эту сумасшедшую блистательную ирландку. Все ее обожали – пьяную или трезвую. Она всегда одевалась умопомрачительно. И часто бывала пьяной – именно пьяной, а не слегка навеселе. Ей удавалось великолепно говорить, но встать и пойти она при этом не могла.

Однако суть не в этом. Суть в записной книжке, которую Кармел передала мне. Я перевела и опубликовала ее в Harper's Bazaar. И, вообразите, ни один человек в издательстве и ни один читатель не заикнулся о том, насколько это уникальный, общественно значимый документ.

Крохотный потертый блокнотик. Французы весьма рачительно относятся к бумаге. Мы с вами обычно оставляем первую страницу блокнота пустой и начинаем писать на его правой стороне. Но этот посыльный был истинным французом: он начал заполнять записную книжку слева, с самого верха – так, что над первой строчкой не осталось и толики пустого места. Блокнот содержал полный перечень всех известных женщин Парижа с обстоятельным описанием всех деталей – например, «родинка на левом бедре», *pas tout à fait de premier ordre*¹⁵, «родилась в Шайо», «баронесса не догадывается» и так далее. Этот старичок... вы только *подумайте*, он единственный человек в мире, знавший, что существует девушка с родинкой на левом бедре; девушка, которую некогда воцарил Герцог Какой-то Там и которая после его смерти не осталась, видимо, *assez connue*¹⁶ и потому была обязана заплатить высокую цену. На мой взгляд, это нечто невообразимое. Такое невозможно придумать, поскольку, как известно, правда всегда оказывается удивительнее вымысла.

Особенно выделялись англичанки. Они были неподража-

¹⁵ Не высшего класса (*фр.*).

¹⁶ Довольно известной (*фр.*).

емы. И пользовались огромной популярностью. Женщины полусвета могли иметь сколько угодно любовников до тех пор, пока об этом *никто* не знал. Они читали собственные газеты, их обслуживали собственные парикмахеры и собственные портные. Вы наверняка смотрели «Жижи»¹⁷. Они разбирались в сигарах, бренди и вине, могли нанять первоклассного повара. Многие мужчины не жили в Париже, но содержали там великолепные дома. Моя приятельница, изумительная женщина, которая работала на Кристиана Диора, однажды сказала мне:

– И не забывайте, мадам Вриланд, что мы часто служили прикрытием для английских мужчин, которые приезжали исключительно за мальчиками. Девушки были просто фасадом. Мы занимались домом, который для видимости нам покупался. Мы принимали розовый жемчуг из рук эрцгерцога и серый жемчуг из рук великого герцога, и каждое украшение соревновалось с другим в роскоши и изяществе. Джентльменам приходилось выглядеть безукоризненно в глазах их друзей, устраивая спектакли с новыми соболинами шубами, новой парой лошадей серой масти, красивой повозкой и прочим в этом духе. – Она рассказывала мне много всего, потому что сама находилась на шикарном содержании.

В 1909 году в дом моих родителей на улице дю Буа Дягилев привел Иду Рубинштейн. Он считал, что у моей мате-

¹⁷ «Жижи» – французский музыкальный фильм 1958 года о девушке, которую готовили к роли кокетки.

ри отменный вкус. И эта встреча была для него очень важна. Если бы мама одобрила, Ида Рубинштейн – невообразимая красавица и совершенно неизвестная танцовщица, которую отстаивали Фокин и Бакст, – сыграла бы заглавную роль в «Клеопатре», а лорд Гиннесс помог бы оплатить целый сезон «Русского балета» в Шатле. Тогда лорд Гиннесс был одним из выдающихся покровителей парижских женщин. Возможно, он также любил мальчиков. И Иде Рубинштейн предстояло выступить своего рода прикрытием – чтобы, так сказать, защитить его репутацию.

Мы с сестрой не пропускали ничего. Как, впрочем, и все дети – если только вы не держите их в изоляторе. Я пряталась за ширмой. И вот вошла Ида Рубинштейн...

Одетая во все черное – прямое черное пальто в пол. В те дни при входе в помещение оставались в верхней одежде, потому что нельзя было предугадать температуру внутри. Подол ее пальто украшала широкая полоса черного лисьего меха. Такой же мех – на воротнике и манжетах. И из него же – огромная муфта, почти заменявшая рукава, в которой она держала руки, когда вошла в дверь. На ногах у нее были высокие замшевые сапоги. А волосы напоминали волосы Медузы: роскошные крупные черные локоны под черной вуалеткой, которая немного их умирjala и едва прикрывала глаза. О, эти глаза за вуалью... Я никогда раньше не видела тени для век. Если вы прежде не видели теней, такой момент – самый подходящий, чтобы их увидеть! Длинные несуетливые

глаза – черные, черные, *черные*, – и двигалась Ида подобно змее. Однако не несла опасности. Высокая, гибкая, чувственная, пластичная – само воплощение линии, линии, *линии*. Она не была профессиональной танцовщицей, но хотела танцевать в балете. Если не ошибаюсь, происходила она из богатой петербургской семьи. Сексуальная еврейская девушка с достатком.

Мою мать Ида пленила. И она дала Дягилеву свое одобрение. Помню, как мать говорила ему:

– Она, быть может, и не профессиональная танцовщица, но, если уж на то пошло, ей и делать не нужно ничего, кроме как возлежать на сцене с выражением *томной неги* на лице.

Как вам, возможно, известно, в этом спектакле на сцену ее внесли на своих спинах четыре нубийца, одетые в костюмы, сплошь расшитые мелким жемчугом. На ней же одежды почти не было. Зато на большом пальце ноги – крупное кольцо с бирюзой... Так прелестно. Спектакль представлял собой ужасающую вакханалию, во время которой все *поглощали* друг друга... Ей же и правда не пришлось ничего делать.

Дягилев был более чем доволен, потому что знал: лорд Гиннесс будет поддерживать его в течение всего театрального сезона в Шатле. Лорд Гиннесс также был безмерно доволен, поскольку получил свое прикрытие. Там это и произошло, а 1909-й – год, когда это произошло, и говорят, что произошло все именно *так*.

Глава третья

Оглядываясь назад, я испытываю восторг от того, в каких условиях выросла. Я в восторге от обилия знаний, которые получала и которые сложились в то, что я знаю сегодня, и я в восторге от того, каким образом получила эти знания. Опыт мой был таким невинным, таким простым и таким очаровательным. Я росла при зарождении стольких явлений. Тогда еще существовала Британская империя. Я – продукт империи. Едва ли хоть кто-то осознает, каким богатством мы обладали.

Мне не дали систематического образования. Я первая, от кого вы это слышите. Но семья обеспечила нам с сестрой самые невероятные впечатления. Нас вместе с нянями в 1911 году отправили из Парижа в Лондон, где мы с трибун наблюдали коронацию Георга V. Волнение не унималось три дня и три ночи, и вы способны себе вообразить, что я могу сказать о том *событии*. Вы решите, что ребенок моего возраста не в состоянии проникнуться всем этим. Но вы представления не имеете, насколько я *прониклась* увиденным...

Все и вся было связано с лошадьми. Я помню пегих лошадей с черными пятнами и с рыжими, лошадей тигровой масти, чалых, серых – всех этих прекрасных, величавых животных, выращенных в Ганновере специально для экипажей, карет и извозчичьих дворов. Они имели чрезвычайное зна-

чение.

Все было поделено на монархические образования. Вспомните, например, сколько государств входило в состав Германии. Я даже забыла названия. Ганновер (как раз там выращивали лошадей), Саксен-Кобург-Гота, Саксония, Пруссия, Бавария, Вюртемберг, Шаумбург-Липпе. Существовал король Бельгии со всей своей свитой. Короли и принцы Балкан и Албании, Болгарии, Греции, Черногории, Сербии – со своими свитами. Царь всего Российского государства – заметьте, *всего* Российского государства – со своей свитой. Венгры. Румыны. И турки. И *китайцы*. И *японцы*. Нам действительно требовалось знать географию в те времена, и, что важнее, мы ее знали. Та смесь была чем-то невероятным. Я люблю смешения. Для меня это все еще очень по-европейски: смесь кровей, рас, отношений.

Не забывайте, насколько диковинно все это выглядело. Ведь король Сербии – *это* необычно! Не забывайте также, что король Георг и королева Мария были императором и императрицей Индии. Махараджей на улицах – пруд пруди, и они увешивали ювелирными украшениями своих слонов – своих *слонов*! Всякий, кто считал себя достойным человеком, имел слона! Понимаете ли вы, что такое слон в наше время? Их трудно встретить даже в *Индии*. Но во время коронации в Лондоне мы с сестрой смотрели на слонов, проходящих мимо, точно такси по Парк-авеню. До самой глубокой ночи. Это меня совершенно вымотало. Я одновременно

хотела спать и была необычайно *bouleversée*¹⁸.

Махараджи и махарани, царь и царица, кайзер и кайзерин... а еще королева Мария и король Георг V! Я наблюдала за тем, как она идет, всего несколько минут, но по сей день вижу ее так, как могла бы видеть вас. Конечно, потом я многие годы жила под ее правлением. Было что-то особенное в том, как она садилась, в ее пропорциях и размере ее шляпы, всегда неизменной и всегда узнаваемой. Весьма и весьма хорошая идея – шляпы. Особенно для королевы. Ток¹⁹

¹⁸ Потрясена (*фр.*).

¹⁹ Ток – европейский жесткий головной убор с небольшими загнутыми вверх полями либо без полей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.